

Дамарис Янг

ДВЕРЬ
В САД
ЧУДОВИЩ

Фэнтэзи для подростков

Дамарис Янг

Дверь в сад чудовищ

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

Янг Д.

Дверь в сад чудовищ / Д. Янг — «Эксмо», 2020 — (Фэнтези для подростков)

ISBN 978-5-04-180668-2

Кора ничего не имеет против чудовищ. Они наверняка поинтереснее лошадей, коров и собак. Поэтому зловещее поместье на болотах, в котором по слухам держат неведомых зверей, вызывает у девочки не ужас, а любопытство. Кто прячется там за туманной завесой и высоченным забором? Как разгадать этот секрет? Нельзя же просто постучать в ворота Дайспер Холла и попросить работу? Но Кора именно так и поступит...

УДК 821.111-93

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-180668-2

© Янг Д., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дамарис Янг

Дверь в сад чудовищ

Джей Би – моему любимому созданию

Damaris Young
The Creature Keeper

* * *

Copyright © 2020 by Damaris Young

This edition published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency

LLC

© Сурнина Н., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Глава 1

Письмо

Письмо пришло вскоре после того, как начались эти звуки. Они были связаны друг с другом, раздавались из одного источника.

– Прочти вслух, – попросила я, покачиваясь на стуле. – Я хочу знать, о чём там говорится. Папа медленно прочёл письмо, скользя глазами по странице.

«Дорогой мистер Эрвуд!

Обращаюсь к вам с предложением о потенциальной работе.

В настоящий момент я занимаюсь поиском смотрителя для моего зверинца в Дайспер Холле.

Должна предупредить, что эта должность подходит не для всякого. Она требует умения, смелости и находчивости. В моей коллекции содержатся необычные существа, умные и очень опасные, если обращаться с ними недостаточно хорошо.

Смотритель должен постоянно жить в Дайспер Холле и отказаться от всех контактов за его пределами ради благополучия обитателей зверинца.

Я предлагаю щедрое вознаграждение за работу.

До встречи!

Леди Кавендиш, Дайспер Холл»

Папа положил письмо на стол.

В доме повисла тишина.

– Щедрое вознаграждение, – пробормотал отец.

– Очень опасные, – шепнула мама.

– Необычные существа, – с придыханием произнесла я.

Эта мысль взволновала меня.

– А что за необычные существа, мам? – спросила я.

На местных фермах жили только коровы и овцы. И хотя они были по-своему замечательные, я понимала, что в письме написано о совершенно других созданиях.

Мама, нахмурившись, налила новую чашку чая.

– Они не приносят пользы, – сказала она. – Не такие, как корова, например. Корову ты кормишь – и она даёт молоко и мясо.

Молоко и мясо. Я терпеть не могла, когда родители говорили вот так о наших коровах. Для меня они значили гораздо больше. Они являлись частью семьи.

И мне во что бы то ни стало хотелось получить ответ на вопрос.

– А когда ты в последний раз видела тех необычных существ?

Мама подула на чай, чтобы остудить его.

– Я была ещё маленькой девочкой. Тогда Дайспер Холл с его зловещими башнями был открыт для всех. Там жили ужасающие твари. Но однажды произошёл несчастный случай – и ворота Дайспер Холла закрылись навсегда. И слава богу! – добавила мама, и на её лице мелькнуло затравленное выражение. – Но я знаю, что хозяйка снова завела странных существ... я просто поняла это. Когда мы впервые услышали те звуки, Арфан? Неделю назад или ещё раньше? Я подумала, что наступает конец света.

– Неделю назад, – буркнул папа и сунул письмо в конверт. – Коровы чуть не проломили ограду. Меньше всего мне хотелось бы, чтобы они вырвались наружу.

– И я слышала звуки прошлой ночью, – встряла я. – Тогда как будто...

Но я даже не могла это описать, поэтому мне пришлось набрать побольше воздуха в лёгкие и зарычать, так что кот Крэббит ринулся как полоумный в открытую дверь кухни.

Мама страдальчески поморщилась.

– Кора, сейчас слишком рано для такого жуткого рёва.

Я быстренько захлопнула рот. Иногда слова не могут выразить то, что ты хочешь сказать, и нужно порычать.

– А я-то считал, она перестала держать опасных существ, – проворчал папа. – С этим надо что-то делать.

Родители обычно не любили говорить о Дайспер Холле. Они отмахивались от моих вопросов и уклончиво отвечали: «Это всё в прошлом, не стоит ворошить былые неприятности». Но особняк на вересковой пустоши всегда вызывал во мне жгучий интерес. Мрачный силуэт Дайспер Холла высился там, сколько я себя помнила. Я чувствовала его присутствие каждый день, и чем старше становилась, тем сильнее он манил меня к себе.

И теперь письмо подтвердило, что загадочные существа вернулись.

А леди Кавендиш искала смотрителя для зверинца.

– И как ты отреагируешь на предложение о работе, пап? – спросила я.

Отец решительно свернул конверт и поставил ещё тёплый чайник прямо на него.

– Не говори мне о должности смотрителя никогда в жизни! У нас всего достаточно, ферма и скот дают столько, сколько нужно.

Белла. Тут я вспомнила о ней. Старая корова Белла повредила ногу и заразилась копытной гнилью, а прямо сейчас ей требовался особый уход. Это была самая пожилая корова на нашей ферме, я выросла вместе с ней. И я любила её всем сердцем.

Схватив тост, я выпрыгнула из-за стола.

– Пойду повидать Беллу, – заявила я родителям.

– Кора, подожди. Сядь, – возразила мама и похлопала по стулу. – Нам необходимо поговорить о Белле. И важно, чтобы ты внимательно нас выслушала.

У меня замерло сердце, и закружилась голова. Я медленно опустилась на стул.

– Что случилось?

– Белла уже стара, и ей нездоровится. У нас мало еды для неё. Мы должны думать и об остальном стаде. И о нас.

Отец потянулся через стол, чтобы взять меня за руки, но я живо спрятала ладони под мышки.

– Мы не можем оставить её. Извини, Кора.

Это было как удар под дых. Мысли спутались в голове, а слова застряли в горле колючками чертополоха. Нет, не сейчас!

– Мне очень жаль, Кора. Мне и правда жаль, – мягко произнёс папа.

Я отпрянула от стола.

– Только не надо всё громить и крушить, Кора, – продолжила мама и прикрыла рукой облупленный чайник. – Ты знаешь, мы не можем себе позволить и дальше кормить Беллу. Еды и так еле хватает.

Она поплотнее закуталась в шаль, защищаясь от утреннего сквозняка, который сочился в кухню, несмотря на то, что мы с папой замазали все щели в осыпающихся стенах.

– Когда начнёшь заниматься фермерством, ты поймёшь.

Я вскочила и выбежала из дома, громко хлопнув дверью.

Туман на улице сглаживал очертания сарая, казалось, что он парит в воздухе. Оттуда доносилось мычание. Белла ждала меня.

Я открыла дверь сарая и замычала в ответ.

Стойла оказались пусты. Папа уже подоил их обитательниц и выпустил коров пастись на выгон: всех, кроме одной.

Я взяла чистую миску, налила в неё воды и добавила мыло. Затем распахнула калитку и вошла в стойло.

– Привет, Белла.

Старая корова повернула голову в мою сторону, но не встала.

Она была строптива и задириста. Белла враждебно вскидывала голову при встрече с незнакомцами и ревела на каждого, кто осмеливался встать у неё на пути. Она могла топнуть и на папу с мамой, и на Крэббита, если они не пропускали её, и требовала освободить дорогу. Но меня она никогда не прогоняла. Я всегда могла прийти и пообщаться с ней. Точнее, выговориться. С ней мне было легко. Когда я видела Беллу, сразу становилось спокойнее на душе.

И я не могла представить, как буду жить без Беллы.

– Это просто я, – успокоила я корову. – Тебе, должно быть, одиноко здесь.

Белла взглянула на меня карими глазами, как бы спрашивая: «Что ж ты так долго?» Меня встревожило, что она всё ещё лежит.

Очень осторожно я сняла бинты.

Папа думал, что коровы нужны для молока и мяса, а от больного животного нет никакого проку.

Но я хотела, чтобы он осознал: коровы тоже могут быть членами семьи.

Белла всё понимала. Она говорила со мной по-своему – и мне тут же становилось легче. Если меня игнорировали в школе, то я могла поболтать с ней дома. Она была как старшая сестра. Возможно, даже лучше. Она никогда не спорила и не таскала мои книги, как обычно делают сёстры. Я уверена, мне бы это не очень понравилось. Хотя делиться книжками с кем-то, наверное, приятно. Да и спорить, пожалуй, не всегда плохо.

Думаю, сёстры частенько бывают заодно и даже объединяются против мамы с папой.

Будь у меня сестра, она наверняка могла бы упротить родителей оставить Беллу, даже больную. Уж она-то сумела бы объяснить им всё спокойно и убедительно, когда я сама задыхалась от гнева.

– Постарайся поправиться, Белла, – сказала я, пытаясь унять дрожь в голосе. Мне не хотелось её пугать. – Разве тебе не надоело лежать в загоне? Разве ты не хочешь пастись в поле вместе с остальными?

Белла сердито кашлянула. С трудом она попыталась подняться, но с тяжёлым вздохом опустилась на солому.

– Умничка! – подбодрила я корову. – Мы потом ещё разок попробуем, ладно? А пока отдыхай.

Копыто Беллы распухло и воспалилось. Я прижала к нему намыленную тряпку.

– Может немножко пощипать, – добавила я. – Но тебе это полезно.

Белла вздрогнула, когда вода просочилась в рану. Однако корова доверчиво смотрела, как я мыла ей ногу и обёртывала чистыми бинтами.

– Я позабочусь о тебе, – пообещала я.

Потом я свернулась на соломе возле Беллы и прижалась лицом к её тёплой шее. Корова с тяжёлым вздохом положила голову мне на колени.

Рядом с Беллой мои мысли приходили в порядок, а с людьми так не получалось. С ними мысли ещё больше запутывались: они тянулись, дёргались и застревали, пока наконец не закупоривались совсем, и тогда я вообще ничего не понимала. Как сегодня, когда я была на кухне с мамой и папой. И слова тоже слипались в беспорядочный комок, поэтому я совершенно не могла выразить свои чувства.

А ещё слова оказались опасны. Их можно было понять неправильно и истолковать против меня. Люди слишком полагались на них, вместо того чтобы просто слушать.

Белла замычала, и от неё сладко пахнуло травой. Я убрала клочок сена, прилипший к шерсти коровы.

– Я помогу папе и маме присматривать за тобой, Белла.

Белла подняла голову и лизнула меня шершавым мокрым языком.

– Стоп! – засмеялась я и мягко отодвинула её голову.

Мне пора идти. Я должна покормить других животных, иначе мы опоздаем на рынок.

– Я вернусь, – добавила я, поцеловала Беллу в нос и почесала за ушами, прежде чем убрать её голову с моих колен и встать, отряхивая солому со штанов.

Снаружи кудахтали куры, возившиеся в курятнике: они сердито просили меня поторопиться.

– Иду! – прокудахтала я в ответ, и они ещё сильнее оживились.

Я отперла дверцу в курятник, и мне навстречу из темноты взвилась туча перьев. Раздалось громкое щёлканье клювов.

– Привет, Маслинка, Олух и Квини, – сказала я нараспев, а все мои питомцы приветственно взъерошили перья и вытянули ноги.

Я рассыпала корм на улице, и стайка с пронзительными криками жадно накинулась на еду. Я немножко посмотрела на птиц, улизнула обратно в курятник и открыла заднюю дверцу. А потом нащупала сокровища – три яйца. Какие пёстренькие и тёплые!

Поодаль от курятника росла высокая трава. Одичавшая зелёная изгородь и заросли кишели птахами. Это была моя любимая часть фермы, мой дикий закуток.

Всё здесь делалось определённым образом и имело своё место. Коров доили дважды каждый день. Раз в неделю мы ездили на рынок в маленький город Хазелглен и продавали яйца и варенье. Жизнь шла своим чередом.

Никогда даже не возникало вопроса, что я буду делать всю оставшуюся жизнь, кроме дойки коров и продажи яиц и варенья. Иногда посреди этого разросшегося пространства мне нравилось представлять, что есть иной мир, где можно найти приключения и выбрать любой путь, который тебе по душе.

Я села, согнув колени и успокаивая дыхание. Вокруг гудели пчёлы и жужжали разные другие насекомые. Чёрный дрозд выкрикивал какую-то песенку, соперничая с крошечным крапивником и галкой. Я сидела так тихо, что природа забыла о моём существовании, словно я растворилась в травяной поросли.

Мысли о письме из Дайспер Холла не покидали меня. Я хотела, чтобы послание леди Кавендиш было адресовано мне. Я с интересом узнавала о любых живых существах, открывала новые виды, изучала их поведение и способы общения. Всякий раз при малейшей возможности я часами бродила по торфяным болотам, наблюдая, как охотятся ястребы, реющие на неподвижных крыльях, и как зайцы ведут ожесточённые бои.

Когда я думала о том, что проведу всю жизнь, ухаживая за коровами только ради молока и мяса, я чувствовала, будто проваливаюсь в глубокую дыру или оказываюсь в ловушке.

Сидеть не шевелясь трудно, особенно если тебя словно что-то щекочет изнутри, но оно того стоит. И листва деревьев, и крошечные насекомые – всё находилось в непрерывном движении, шелестело и трепетало, но это был совсем иной шум, чем в мире людей, где каждый шорох имел цель и смысл, которые сложно постичь. Гораздо лучше я понимала звуки, исходящие от животных и растений.

Тишина и неподвижность вознаграждали меня удивительными вещами: я внимала тому, как растёт трава, восхищённо следила, как мышка втягивает холодный воздух, поводя подвижным чёрным носиком и подрагивая усиками.

Я вынула из кармана блокнот и быстро, стараясь двигаться как можно меньше, набросала маленькую мышку, выглядывающую из травы, едва намечая усы карандашными штришками.

Потом она скрылась, и лишь по лёгкому колыханию травинок можно было проследить её путь.

Будь я животным, я стала бы мышкой. Тихим созданием, которое часто не замечают, но которое может ускользнуть из виду в любой момент ради никому не ведомых приключений. Мама называла полёвок мелкими шkodниками, и вот за что я любила их ещё больше. Сло-вечко значило так много – игривость и озорство, а ещё насмешливое опрокидывание обычного порядка вещей. Это как потянуть за ниточку и распуścić узор бытия, а затем связать нечто новое.

Приставив ладони рупором ко рту, я громко каркнула в сторону деревьев. Послышался знакомый ответный крик, и от сучковатых яблонь мне навстречу метнулась тень. На руку тяжело бухнулся ворон, когти птицы впились в запястье. Глаз-бусинка мигнул и усталился на меня.

– Привет, Дикий ворон, – шепнула я. – Смотри, я принесла тебе кое-что на завтрак.

Я вытянула руку и насыпала в неё немного птичьего корма, который всегда носила в кармане.

Несколько лет назад я спасла Дикого ворона от челюстей Крэббита, и в благодарность за это он то и дело навещал меня.

Дикий ворон клевал корм, а я любовалась его блестящими перьями и крепким клювом. Вскоре – даже слишком скоро – он снова взвился в воздух, громко хлопая крыльями.

Из высокой травы вынырнул Крэббит, казалось, что его умные зелёные глаза с узкими зрачками втягивают в себя всё происходящее. Кот был королём фермы и не спеша обходил владения, напряжённо помахивая хвостом. Мякнув, он ткнулся головой в мою руку.

– Держись подальше от Дикого ворона, Крэббит! – предупредила я. – Он достаточной большой, чтобы утащить тебя, если захочет.

Вдруг Крэббит нырнул обратно в траву, прижав уши.

– Что случилось? – с тревогой спросила я.

Над лугом повисла странная тишина, птахи замолчали. Мир замер.

И в этой тишине раздался звук – пронзительный свист, от которого захотелось стиснуть зубы.

Я взглянула вверх и уловила мерцание. И рябь в воздухе – как будто переливы мыльной пены. Неужели... Да, точно!

В небе над лугом реяло странное существо. Можно было различить длинный хвост, лебединую шею и крылья, как у летучей мыши. Мгновение – и оно исчезло, словно лопнувший мыльный пузырь.

Птицы опять запели, а Крэббит помчался к дому быстро, как никогда.

Что это за существо? Оно пролетело будто лебедь – и казалось таким же крупным. Но было практически невидимым, и теперь я задавалась вопросом, не почудилось ли оно мне. Я решила никому не говорить об увиденном, во всяком случае, пока. Маме и папе хватает забот.

Солнце пронизывало ветхую рубашку и согревало кожу. Должно быть, родители уже ждут меня. Но мне не хотелось возвращаться в дом, где они будут говорить приглушёнными голо-сами о разных проблемах. О неурожае. О разваливающихся комнатах. О пустых продуктовых шкафах. И обо мне. Об их странной одинокой дочери, которая предпочитает общаться с животными, а не с людьми.

Мне хотелось, чтобы они поняли: если я молчу, это не значит, что мне нечего сказать.

Глава 2

Базарный день

На рынке пахло свиным жиром: шкворчание доносилось с лотка, где продавали хрустящую поджаристую свинину для проголодавшихся фермеров и их семей. С другой стороны струился томящий запах свежее испечённого хлеба.

Я тронула маму за рукав.

– Можно купить хлеба?

После минутного колебания мама протянула мне монетку.

– И пряник к чаю купи.

Я увернулась от тележки с тыквами, едва избежав столкновения, потом наткнулась на стадо гусей, которые обдали мои ноги целой волной трепещущих крыльев. Сторожевая собака отогнала меня, ловко вернув птиц под свой контроль.

– Смотри, куда идёшь! – прикрикнула фермерша, бросив на меня суровый взгляд.

Она свистнула собаке и величаво проплыла мимо. На меня пахло сильным духом компоста и соломы с птичьей фермы.

У дверей пекарни вилась очередь. Я обогнула её хвост и зашагала вдоль простых домиков из глины и соломы, стараясь не наступать в лужи и грязь.

Через несколько минут я уже стучалась в пекарню с чёрного хода: с той стороны, где жил булочник. Дверь мгновенно распахнулась. В нос ударил острый запах корицы с маслом.

– Чего тебе? – спросила Этта, дочь булочника.

Её лицо было усыпано веснушками и мукой. Она скрестила руки на груди, закрытой фартуком, и выжидающе смотрела на меня.

– Хочу купить булку хлеба, – с трудом выдавила я.

О прянике даже и думать не хотелось.

Я протянула Этте монетку, которую мне вручила мама.

Иногда я играла с Эттой в школе, она давала мне скакалку, и мы прыгали вместе с её сёстрами. Но бывали дни, когда она отворачивалась, если я приветственно махала ей.

Всякий раз, когда слова застревали в горле, я пыталась представить людей, с которыми разговаривала, в виде зверей или птиц. И мне становилось легче. Иногда это работало, а иногда нет.

Этта напоминала лошадь, которая жила рядом с полем, где паслись наши коровы. В какие-то моменты лошадка бывала дружелюбной, а через минуту могла ни с того ни с сего укусить тебя за руку.

Пока я думала о лошади, Этта вернулась с булкой хлеба. Я сунула покупку в тряпичную сумку.

– Слышала новость? – спросила Этта, опуская монетку в карман. – Билл потерял овчарку Мэйзи где-то на болотах. Уже несколько дней её ищет.

Мэйзи пасла овец за городом. У меня упало сердце. Бедняжка! Папа не хотел, чтобы у нас была собака, он говорил, что пёс станет обузой и лишним ртом в хозяйстве. Поэтому я старалась почаще бывать у Билла и при случае всегда здоровалась с Мэйзи. Это было милейшее существо, когда рядом оказывался человек, который ей нравился, хвост овчарки вилял без остановки. Она обожала хозяина, а он любил её так же сильно, как я – Беллу. Он был её семьёй. Воображаю, как опустошила его эта потеря.

– Билл сказал, что её напугал громкий звук, когда он пас овец неподалёку от Дайспер Холла. Мэйзи опрометью кинулась куда-то и пропала, – выпалила Этта, и её глаза расширились от ужаса. – И ещё он заявил, что, дескать, тамошние монстры вернулись!

По плечам у меня пробежал озноб.

– Я слышала кое-что, похожее на... – начала я и осеклась, пытаюсь подобрать слова, которыми можно было бы описать те звуки, но Этта перебила меня.

– Билл клялся, что от рычания задрожала земля, а все овцы бросились врассыпную! – Этта потёрла нос. – Я всегда думала, что на пустоши никого нет. А сейчас там происходит что-то плохое.

Интересно, родителям Этты тоже отправили письмо из Дайспер Холла? Хотя они ведь булочники, а не фермеры. Вряд ли они смогли бы ухаживать за какими-нибудь загадочными созданиями.

Кажется, Этта прочитала мои мысли.

– А ещё некоторые фермеры получают письма из Дайспер Холла с предложением о работе, но никто не взялся за неё: ни один из тех, о ком я слыхала. Папа уверен, что ничего хорошего из затеи не выйдет. В прошлый раз, когда в поместье жили странные существа, из-за них даже пострадали люди. С этим надо что-то сделать. Пока не поздно, – закончила Этта, передразнивая голос своего отца.

Тут кто-то позвал её из глубины дома. Этта раздражённо тряхнула головой, отгоняя мучное облако, клубящееся рядом.

– Пока, Кора, – бросила она.

Я кивнула в ответ и пошла искать маму.

Пока меня не было, толпа у дверей пекарни разрослась. Воздух гудел от разговоров. Ото всюду слышалось: «Монстры... письмо мисс Кавендиш», – по очереди ползли слухи один мрачнее другого. Часто звучало слово «проклятие». Интересно, это как-то связано с тем временем, когда Дайспер Холл был открыт для посетителей? Я решила ещё раз расспросить обо всём родителей. Если Этта знает, почему мне нельзя?

В поисках мамы я внезапно наткнулась на человека, которого меньше всего хотела бы встретить.

Тилли.

Она продиралась сквозь толпу во главе стайки друзей, разнюхивая, что к чему.

Если бы Тилли была животным, она оказалась бы волчицей, причём в самых худших волчьих чертах. Она всегда верховодила там, где измывались над слабыми, норовя их ущипнуть или осыпать жестокими насмешками. Все считали Тилли несносным ребёнком, которому сам чёрт не брат, но я знала, что она боится петуха на своей ферме.

Когда мы однажды купили там цыплят, петух нахохлился и с яростными воплями кинулся на нас, желая защитить кур. И вот тогда-то Тилли пустилась наутёк. С тех пор она затаила злобу на меня, потому что я видела её слабость.

Тилли всегда сопровождали её друзья. Они постоянно толкались, тявкали и цеплялись к посторонним. Фактически вся школа казалась мне стаей волков, ну а я чувствовала себя единственной овечкой.

Хорошо, что уже начались каникулы – и мне не придётся возвращаться в школу до осени, когда летние хлопоты на ферме закончатся.

Мне захотелось провалиться сквозь землю, но Тилли уже заметила меня, и её глаза сверкнули хищным блеском.

– Вот и ты, тварюга! – произнесла она, резко заворачивая в мою сторону. – Чего прячешься?

Стая за её спиной взвыла от хохота.

Щёки у меня запылали, а по телу пробежали мурашки, но я ничего не ответила. Если пёс рычит на тебя, не стоит огрызаться в ответ.

– Твоя семья тоже получила письмо? – осклабилась Тилли.

Надо быть осторожней. Тилли явно расставляла мне ловушку, а я не хотела в неё угодить. Лучше попридержать язык.

– Папа получил вчера письмо, но нам не нужны лишние деньги, – продолжала Тилли с кривой улыбкой.

У семьи Тилли был птичник. Они держали кур в крошечных клетках, где нельзя пошевелить ни ногой, ни крылом. Не ферма, а тюрьма.

Тилли вскинула голову, как будто её только что осенило.

– Но я слышала, что ваши коровы старые и хилые. Может, тебе бы лишние деньгигодились?

Я засунула руки в карманы чуть ли не по локоть. Когда тебя достаёт Тилли – это неприятно. Но ещё хуже осознавать, что она права.

Нетерпеливо тряхнув волосами, Тилли сладенько пропела:

– Увидимся в школе!

Она метнулась куда-то вперёд. Стая бросилась за ней.

Я нашла маму возле рыбных рядов. Резкий запах солёной селёдки заставил меня поморщиться.

Мама увлечённо разговаривала с Патти, торговкой рыбой. Я замедлила шаг в надежде уловить, о чём они говорят.

– Это нехорошо... пугать народ. Как будто у нас мало проблем, – ворчала Патти.

Торговка вскрыла устрицу и понюхала её, прежде чем выбросить в ведро.

– Мне вообще вся ситуация кажется неправильной, – ответила мама. – Она имеет наглость держать опасных тварей в нашей округе, а потом ищет кого-то, кто будет выполнять грязную работу! Кто захочет вкалывать на неё... особенно после того, что случилось много лет назад?

– Я помню тот случай, как будто он произошёл вчера, – оживилась Патти. – Ещё в те времена я думала, что мисс Кавендиш странная. Ей, наверное, исполнилось тринадцать, как и мне, и она никогда не имела друзей. Всегда охотно говорила дерзости, а вот доброго слова никто от неё слышал.

Мама мотнула головой.

– Но она всё-таки была ребёнком. И ей несладко пришлось. Следовало помочь девочке, после того как её родители...

– Они сами виноваты, потому что ставили тех чудищ на первое место. Что-то подобное должно было произойти! – Патти пожала плечами и добавила: – Кроме того, мисс Кавендиш (или леди Кавендиш, как она сейчас себя называет) заперла ворота. Дайспер Холл теперь прямо как крепость. Она отвернулась от всех.

Мама заметила меня.

– Наконец-то, Кора, – произнесла она и стиснула мою руку. – А я думала, что потеряла тебя возле пекарни.

Мама тепло поблагодарила Патти, и мы пошли своей дорогой по людной улице.

– А что случилось в Дайспер Холле, мам? – спросила я. – Кто-то сбежал?

– Думаю, да, Кора. Каким-то образом одно животное, полагаю, крупная кошка, вырвалось на волю и начало хозяйничать в Дайспер Холле. И два человека пострадали, причём очень сильно. Случилась ужасная вещь.

– А что было потом?

– Не знаю, Кора. С того самого дня ворота поместья заперли. Я слышала, леди Кавендиш избавилась от всех тварей. Ну и хорошо, если так.

Я крепко ухватила за мамину руку и потащила её, как на буксире, сквозь плотный людской поток. С тех пор как наш дом начал пропускать холод и сырость, мама сильно ослабела, и я старалась особенно беречь её в толпе.

На рынке собралось столько фермеров и рыбаков, что их запахи перемешивались, и казалось, что силы земли и моря соединились: водоросли и морская соль соперничали с духом от навоза и сырой глинистой земли.

Мир был залит весенней синевой, и солнце первыми жаркими лучами пощипывало кожу. Люди сбросили с себя зиму, как тяжёлую шубу: рубашки и платки пестрели всеми цветами радуги. Откуда-то доносились звуки скрипки – уличный музыкант наигрывал ирландскую песню о дне сбора урожая. Весёлый мотив поднимался к облакам, как дым от костра, и от этого хотелось петь и танцевать. Интересно, а леди Кавендиш в детстве посещала город в базарный день? Или она была слишком занята уходом за своими загадочными существами?

Папа поставил лоток на задворках площади. Поскольку мы сегодня утром опоздали, нам осталось только это место. Я чувствовала себя виноватой: ведь именно я слишком долго задержалась на лугу с Диким вороном.

Здесь народу оказалось поменьше, повсюду темнели ещё не подсохшие лужи и пахло гусиным помётом. Краешком глаза я заметила, как мимо промелькнула крыса и тут же скрылась в придорожной канаве.

– Никто не захочет покупать варенье, когда кругом стоит такая вонь! – простонала мама.

Папа оживлённо беседовал со старым фермером Биллом, тем самым, который держал овец. На седой голове Билла красовалась поношенная кепка, и он всегда носил два свитера, даже в жару. Ещё он любил посплетничать и обычно по базарным дням слонялся от одного лотка к другому, выведывая всякие новости, а Мэйзи повсюду сопровождала хозяина: они были неразлучны.

Но сегодня Билл выглядел как собственная тень.

– Привет, Кора, – произнёс Билл с печальной улыбкой. – Боюсь, Мэйзи не сможет поздороваться с тобой.

Я подумала, что если овчарку ещё можно найти, то кто-то должен отправиться на поиски. Кто-нибудь, кто знает болота, – например, я. Надо только выбрать время, чтобы попросить папу отпустить меня. Невыносимо видеть Билла таким несчастным и знать, что Мэйзи бродит где-то совсем одна.

Мама возилась с корзинками, до краёв наполненными банками с вареньем: она уже начала выставлять товары. Я стала помогать ей, а папа и Билл продолжали разговаривать.

– Я отвернулся, а она исчезла, – добавил фермер, качая головой. – Её испугал звук. Как будто сам дьявол рычал. У меня душа в пятки ушла.

Я вскинула на него глаза.

– Что за звук? На что он похож?

– Он... он ужасный! Там, на болотах... – Билл замолчал, его глаза расширились от страха. – Какой-то стон или вой, словно земля проснулась у меня под ногами. Мэйзи убежала, и я её уже не видел.

– Как жаль! Бедная Мэйзи! – воскликнула мама. – Надеюсь, скоро ваша собака вернётся домой.

Мама вручила Биллу баночку варенья.

– Вот. Вам нужно немножко поднять настроение и подсластить себе жизнь.

Билл сунул подарок в карман и с грустной улыбкой поблагодарил нас обоих.

– Я без Мэйзи как потерянный. Да и овцы разбежались по болотам. А я не отважился искать её возле Дайспер Холла. Я слишком стар, чтобы иметь дело с монстрами, которые могут перелезть через стену, чтобы поживиться чьей-то плотью.

– Наверное, Мэйзи запуталась в зарослях вереска, – предположил папа. – Она освободится и примчится на ферму, вот увидите.

– Это всё проклятый Дайспер Холл! Чтоб он развалился! Кто знает, каких опасных тварей там держат? А если они снова улизнут? – Билл покачал головой и продолжал: – Такое нельзя допустить. И люди, и скот в опасности. В сущности, у меня именно поэтому пропали овцы. Сейчас куплю то, что нужно на неделю, вернусь домой и продолжу искать Мэйзи.

– Мы можем организовать группу поиска, если собака не вернётся завтра утром, – сказал папа, задумчиво запустив пальцы в бороду. – Я поговорю с фермерами. Пожалуй, у соседей найдутся собаки-ищейки.

– Я помогу! – заявила я. – Прошу тебя, папа, отпусти меня! Я могу отправиться в дорогу сразу же, как только мы вернёмся с рынка, пока ещё не стемнело.

– Ты не пойдёшь на болота, Кора! Слышишь? – прорычал отец.

Когда он говорил таким тоном, спорить с ним не стоило.

– А Дайспер Холл вообще не должен существовать! – проворчал Билл и опять покачал головой. – Будь моя воля, я бы прочесал это место как следует и разобрался со всей дрянью, которая там прячется. Мне бы город только спасибо сказал.

Разобрался бы? Мне не понравилось, как это прозвучало.

– Надо что-то сделать – и как можно скорее. Попомните мои слова, – согласился папа. – Так больше продолжаться не может.

Билл и мой отец обменялись мрачными взглядами. Затем фермер приложил палец к своей кепке, как бы отдавая честь, попрощался и растворился в редющей толпе.

Моё сердце сжалось. Я знала, как он любит Мэйзи и переживает из-за овчарки. И я тоже переживала. Вряд ли собака могла заблудиться на болотах: она знала эти места так же хорошо, как и Билл. Наверняка что-то ужасно напугало её.

И похоже, это что-то было родом из Дайспер Холла.

Хотя на задворках площади стало потише, прохожих ещё оказалось достаточно, чтобы продать им овощи и варенье. И с каждой покупкой на душе становилось немного легче.

До меня доносились обрывки разговоров.

– Я взглянула на письмо, сразу порвала его и бросила прямо в огонь. Кем она себя возомнила? – возмущалась какая-то женщина. – Хочет, чтобы люди рисковали жизнью ради её причуд...

– Как не стыдно, – кивала её подруга. – Ей бы надо проявить уважение к другим.

Я переставила банки с вареньем на столике, чтобы этикетки стали видны покупателям. Мысль об одинокой и заблудившейся овчарке сидела во мне занозой. Я, как и Мэйзи с Биллом, знала болота лучше, чем большинство местных. Я могла провести там целый день, наблюдая за косулей и выжидая, когда из норы покажется крот, осваивающий новую территорию. Я знала, что могла бы найти собаку, если бы только родители позволили мне пойти туда.

А если это значило приблизиться к Дайспер Холлу и даже, возможно, увидеть, что скрывается за его воротами, ну что ж...

Вдруг мама крепко стиснула моё плечо и притянула ближе к себе. Лишь тогда я поняла, какая тишина повисла вокруг нас.

К нам шагал мужчина с перевязанной рукой. Верхняя часть её была туго обмотана бинтом, и сквозь ткань проступали тёмные пятна. Незнакомец впился в меня взглядом, губы сжались в тонкую полоску. Застыв на секунду, он поспешно прошёл мимо.

– Он в порядке? – шепнула мама папе. – Может, ему что-нибудь нужно? Варенье, например?

Я исподтишка усмехнулась. Мама думает, что это лакомство способно вылечить от всего. Ноющие кости, печаль и боль в животе – ложка варенья избавляет от любых напастей.

Но мужчина уже исчез, проскользнув сквозь толпу, как ветер по кукурузному полю. И через мгновение все вновь заговорили.

– Кто это был? – спросила я, убирая мамину руку с плеча.

– Мистер Джонсон, – ответила мама. – Он работает в Дайспер Холле, но я никогда раньше не видела его на рынке. Он обычно покупает всё для леди Кавендиш у крупных фермерских хозяйств.

Она озабоченно забарабанила пальцами по столу.

– Бедолага выглядит совершенно измученным. Кто знает, с чем он имеет дело в стенах Дайспер Холла, когда находится рядом с гадкими существами из зверинца?

Папа устремил взгляд вслед ушедшему.

– Ни за какие деньги в мире не пошёл бы я работать в то проклятое место, – сказал он.

Вечером отец помог маме взобраться на повозку. Она устроилась напротив пустых мешков из-под картошки и завернулась в шаль. Мама выглядела как куколка, с гладко зачёсанными волосами и румяными щеками, пылающими от солнечного жара.

– Какой долгий выдался сегодня день, – заметила она, зевая и закрывая глаза.

Мы потащились домой, вверх по холму, наблюдая, как солнце тает за горизонтом, подобно угасающей свече. По мере приближения ночи мои мысли всё упорнее возвращались к Мэйзи. Зародыш плана её спасения постепенно разворачивался, обрастая деталями.

Мы достигли окраины болот, где луговые травы сменялись зарослями дрока и колючего вереска. Трава смягчала цоканье копыт Мерлина, вдалеке раздавался стрёкот куропатки. Если бы Мэйзи была напугана, она бы отыскала безопасный участок. Где-нибудь спряталась бы. Я провела кучу времени на болотах, находя секретные уголки и наблюдая за животными, поэтому знала множество мест, где могла бы затаиться потерянная собака. Барсучьи и лисьи норы, а ещё кусты дрока, в которых овцы укрывались от ветра.

Я была поглощена размышлениями о том, где могла спрятаться Мэйзи, когда мы свернули на дорожку, ведущую к ферме.

Подняв глаза, я вдруг увидела, что с домом что-то не так. Он весь покосился.

Папа выругался себе под нос.

– Что происходит? – сонно спросила мама и села, приглаживая волосы.

– Крыша, – ответила я, с трудом переводя дыхание. – Она провалилась.

Глава 3

Потерянные собаки хотят, чтобы их нашли

– Не путайся под ногами, Кора, пока мы не выясним, что с крышей. Не хватало ещё, чтобы тебе чем-нибудь по голове прилетело, – велел папа и вздохнул. – Я позову, когда можно будет войти.

Я вечно путалась под ногами. Всегда не на своём месте и не вовремя. Но я ведь хотела помочь! Однако отец уже повернулся ко мне спиной и негромко переговаривался с мамой, глядя на провалившуюся крышу.

Я решила проведать Беллу. Но сначала отвела Мерлина на пастбище, а потом наполнила его кормушку. С пастбища открывался вид на болота, тянущиеся до самого горизонта: сплошной вереск и папоротник. Надвигалась ночь, и с моря поднимался туман.

В ясный день легко можно было различить очертания Дайспер Холла, клубящегося тёмным облаком посреди болот, но сегодня он утонул в тумане. Однако это не мешало мне напряжённо всматриваться в сгущающуюся тьму и думать о бедной потерявшейся овчарке. Я вся дрожала – то ли от страха, то ли от возбуждения. Меня мучил вопрос, привиделась ли мне утром на лугу та странная птица с прозрачными крыльями, как у летучей мыши. Какой же она издавала пронзительный крик! Завтра я бы выследила её снова.

Оставив Мерлина ужинать, я помчалась к сараю и распахнула дверь.

– Му-у-у! – промычала я, и пять рогатых голов повернулись в мою сторону.

Дочка, Пеструшка, Симка, Шмелька... и Белла!

Я подбежала к последнему стойлу.

– Ты встала! – вскрикнула я.

Белла нетерпеливо фыркнула, значит, почувствовала себя лучше!

Схватившись сразу за две перекладины, я запрыгнула через низенькую калитку стойла прямо к Белле.

Корова стояла, опираясь на все четыре ноги.

Я осторожно провела рукой по её ноге: по той самой, которая накануне распухла и воспалилась. Теперь она оказалась совершенно прохладной на ощупь, и Белла не вздрагивала от прикосновения. Во мне затеплилась надежда, что даже провалившаяся крыша – не так уж и страшно. Может, всё наладится?

Вдруг я услышала слабый, усталый папин голос: он звал меня.

Родители постелили мне в гостиной и приготовили чашку супа на ужин.

– Это только на время, Тыковка, – сказал отец, взбил подушки и подоткнул простынку под матрас на полу. – Скоро всё вернётся на свои места.

Мама и папа пожелали мне спокойной ночи, взяли свои порции супа и ушли.

Растянувшись на матрасе, я прижала Крэббита к груди. Он громко замурлыкал. Хорошо, что кот не находился в доме, когда провалилась крыша.

Спать в гостиной было странно. Я слышала, как капает кран на кухне и воет ветер в трубе.

А ещё здесь оказалось пыльно. Крытая соломой крыша в основном провалилась в задней части жилища, над моей комнатой. Сухая труха и пылинки кружились в столбе лунного света, как снежинки. Мысль о том, что зимой в этом доме с проломленной крышей будет идти настоящий снег, повергала в уныние. Починим ли мы её к декабрю? Я знала: всё, что мы покупаем на рынке, нужно для кормления и ухода за животными. Пока я радовалась, что Белле стало лучше, папа наверняка думал о том, что она – лишний рот в нашем хозяйстве. Где мы возьмём деньги на ремонт?

Вот какие мысли кружились в моей голове, но вдруг я кое-что вспомнила.

Письмо.

Леди Кавендиш писала о щедром вознаграждении.

Папа сказал, что он ни за что не пойдёт в Дайспер Холл. Ну а если я? Может, мне поухаживать за теми загадочными зверями? Нет. Что за глупости. С чего бы леди Кавендиш позволила какой-то девчонке присматривать за её питомцами?

Внезапно Крэббит зашипел. Он вывернулся из моих рук и шмыгнул под шкаф.

– Что такое, Крэббит?

Я вскочила и откинула одеяло.

Ветер загрохотал неплотно прикрытыми окнами. И вместе со сквозняком до меня донёлся другой звук – чей-то вой.

– Всё в порядке, – шепнула я. – Это из Дайспер Холла, слишком далеко, чтобы быть опасным для тебя, Крэббит.

Но кот не спешил вылезать из-под шкафа.

Я легла на матрас и снова подумала о Мэйзи. Овчарка заблудилась на болотах и наверняка тоже слышит ужасающий вой.

Как же ей, должно быть, страшно.

Я опять выскользнула из своего тёплого гнёздышка и поёжилась, когда ноги коснулись каменного пола. Быстро и бесшумно оделась и приоткрыла окно: шторы вздулись от дыхания холодного ветра, словно призраки.

Отсюда виднелась туманная даль болота.

Может, поискать Мэйзи сейчас? Родителям необязательно об этом знать, если я вернусь до рассвета.

Проходя мимо кухонного стола, я заметила, что письмо до сих пор лежит под чайником, где его оставил отец. С колотящимся сердцем я сунула конверт в карман и почувствовала себя ужасно виноватой. Это же для папы, а не для меня. Но я уговаривала себя, что беру послание от леди Кавендиш только на время. Даже не знаю зачем. Было два часа ночи, не могла же я просто постучаться в ворота Дайспер Холла и попросить работу. И вообще главное сейчас – найти Мэйзи.

Я положила в рюкзак фонарик, переносную лампу, карманный нож и блокнот, а ещё схватила со стола баночку варенья и запихала туда же.

«Никогда не знаешь, когда тебе понадобится варенье», – говорила мама, и, как обычно, была права.

А затем я потихоньку вылезла из окна. Нельзя утверждать, что выпрыгнула с большой высоты (дом был построен довольно низко, чтобы бури не могли пошатнуть фундамент), но прыгать всё же пришлось. Я не хотела помять цветы под окном – на них могли остаться следы моего ночного приключения.

Трава заглушила звуки. С бьющимся сердцем я ждала, что у родителей вот-вот зажётся свет, но в доме по-прежнему царила темнота.

Я прокралась через сад, залитый лунным светом, и приоткрыла калитку. Она обиженно скрипнула, жалуюсь, что её разбудили в столь поздний час, и я поморщилась от досады. К счастью, этот звук слился с кваканьем лягушек в пруду возле сарая.

Выбравшись на дорогу, я уже была уверена, что из дома меня никто не увидит. В висках бешено стучало, и всё вокруг пахло сильнее, чем днём. Даже цветы источали другой аромат, словно хотели привлечь насекомых из иного мира, которые появлялись только ночью.

Если бы меня настигли, у меня были бы серьёзные проблемы. Родители не любили, когда я уходила одна на болота, даже в более спокойные времена. Кроме того, я понимала, что папа бы сейчас разозлился вдвое сильнее, чем раньше. Но Мэйзи попала в беду, и я знала, что должна найти её, а уж потом думать о последствиях своего поступка. Если кто-то оказался в беде, я не смогу оставаться в стороне, – иначе замучают угрызения совести.

Даже если Мерлин удивился мне, он никак не выразил изумления. Конь подошёл к воротам, ведущим на пастбище, и ткнулся мордой в моё плечо.

– Хочешь помочь мне найти Мэйзи? – спросила я, открывая створку.

Мерлин вылетел за ворота, высоко поднимая копыта. Седая грива в лунном свете отливала серебром, и он вскинул голову, как будто вновь почувствовал себя молодым скакуном.

Я надела на него уздечку: этого вполне достаточно, седло и стремяна не нужны. Поставив ногу повыше на решётку металлических ворот, я легко вскочила на широкую спину Мерлина. Он вздрогнул, но тут же успокоился.

– Поехали, – шепнула я в чуткое ухо Мерлина и похлопала коня по шее.

Ночь вернула Мерлину жизненные силы: он нёсся уверенным галопом по тропинке, ведущей на болота, по сторонам мелькали серебром и тусклым золотом кукурузные поля.

Я крепко сжимала ногами бока Мерлина, прильнув к его шее, и даже поводья не требовались. Мне достаточно было лишь слегка наклоняться влево или вправо, а он уже знал, куда бежать. Мерлин катал меня ещё с тех пор, как я научилась ходить, мы давно понимали друг друга без слов и без поводьев.

Вскоре поля превратились в пустошь, а дорога растворилась под следами овечьих копыт. Мерлин скакал по упругим папоротникам и мхам. Я вдыхала дремотный сладкий аромат вереска и резкие ночные заячьи и лисьи запахи. С моря напал туман, скрадывая дорогу, и коню порой приходилось замедлять шаг.

Мы продвигались вперёд, пока над вересковой пустошью не выросли очертания Дайспер Холла. Резкие чёрные контуры разорвали туман. Особняк выглядел неуместным, как ястреб, устроивший себе гнездо среди жилища воробьёв. С утёса мне в лицо дохнул солёный морской ветер. Страх застрял в горле колючим репейником.

Дайспер Холл служил удобным ориентиром. Я знала, что с южной стороны есть много просторных барсучьих нор, где могла бы затаиться собака.

Серые стены особняка теперь были с левой стороны. Мне никогда не доводилось видеть зажжённый свет в окнах Дайспер Холла, ни разу я не замечала колыхания портьер или силуэты за оконными стёклами.

Громадное здание выглядело заброшенным, стены были затянуты плющом, как паутиной. Вдруг мне представилось, что мёртвые и пустые окна ожили и чьи-то глаза пристально следят, как я приближаюсь к Дайспер Холлу в ночной темноте. Я подумала о письме, лежащем в кармане, и почувствовала себя ужасно глупо. У меня бы никогда не хватило смелости постучаться в ворота и попросить работу.

По мере приближения к особняку Мерлин наострил чуткие уши, напряжённо ловя звуки, слишком отдалённые или слишком тихие для меня. Он фыркал, вскидывая голову и натягивая поводья.

Башенки и зубцы Дайспер Холла чётко вырисовывались на фоне ночного небосвода. Каждая часть огромного сооружения казалась странно вывернутой в разные стороны. Самая высокая башня упиралась в низкое облако, которое всегда висело над мрачным чертогом, и напоминала моток колючей проволоки, за которую зацепился серый рваный клочок. Не помню, видела ли я вообще здесь чистое небо, хотя бы летом.

Особняк окружали величественные стены. Они вгрызались хищными зубами в мягкую почву болот. Несмотря на то, что в жилах кровь стыла от страха, я вытянула шею, пытаясь заглянуть на территорию Дайспер Холла, чтобы хоть одним глазком увидеть загадочных животных, которые, должно быть, уже давно там обитали.

С противоположной стороны Дайспер Холла раскинулось море.

Море служило границей нашего мира и не было похоже ни на что иное. Стихия обладала разумом и жила своей жизнью. Мама говорила, что у моря есть глаза, уши и зубы: оно может поглотить любого, если он недостаточно осторожен.

Но для меня море и болота означали свободу. Когда ферма осталась позади, я почувствовала, что мне легче: так легко, что казалось, будто ещё чуть-чуть, и ветер подхватит меня и унесёт неведомо куда. Мне даже немного захотелось очутиться там, где ещё никто не бывал, ни один человек. Там, где начинаются приключения.

Я настолько погрузилась в свои мысли, что чуть не потеряла равновесие, когда Мерлин внезапно остановился.

Конь нервно отпрянул в сторону, гадая, куда двинуться дальше.

– Хорошо, давай я пойду пешком.

Я соскользнула с его спины, приземлившись на мягкий мох.

– Посмотрим, что здесь можно найти.

Я не боялась темноты и пустоши, раскинувшейся передо мной. Но сердце тяжело застучало в груди, когда ветер взъерошил волосы и начал теревить одежду, словно меня окружил целый рой привидений. Над головой сгущались тучи, и задушенные ими звёзды гасли одна за другой. Пахло дождём. Нужно было торопиться.

Я вслушивалась в каждый звук и пристально вглядывалась в заросли вереска и папоротника: не мелькнёт ли Мэйзи светлым пятном.

Это было близко к месту, где прошлым летом мы с мамой собирали чернику. Тогда я нашла там заброшенную барсучью нору.

Если Билл старался держаться подальше от Дайспер Холла, он точно не мог наткнуться на нору.

Мэйзи, наверное, заблудилась где-то поблизости.

– Пойдём, Мерлин, уже недалеко, – подбадривала я старого коня.

Мы шагали по овечьей тропе, огибающей Дайспер Холл, держась поодаль от высоких серых стен. Я трижды громко свистнула, сунув пальцы в рот, и стала внимательно слушать. Кажется, до меня донёсся ответный вой, но такой слабый, что я даже не была уверена, не почудился ли он мне.

Я свистнула снова.

На этот раз вой прозвучал явственно.

– Сюда, Мерлин! – скомандовала я.

Овцы на болотах паслись вместе с неприрученными животными, поэтому пастбище выглядело полудиким. Здесь можно было встретить и дичь, и охотников, и птиц, круживших в небе, и всякую живность под землёй. Ледяной воздух пощипывал лодыжки и бросал в дрожь.

Свистнув вновь, я замерла и затаила дыхание. Кто-то заскулил совсем рядом, слабо, но вполне различимо. Это собака. Не лиса и не барсук – именно собака, испуганная, потерянная и одинокая.

– Мэйзи! – позвала я.

В ответ раздался отчаянный визг, и я поспешно бросилась на звук.

В барсучьей норе мелькнула чья-то пасть.

– Мэйзи? – спросила я и наклонилась к отверстию.

Оттуда высунулся маленький нос и донёсся благодарный вой.

Я разгребла колючие кусты, легла на живот и просунула руку в нору. Суевливые комки шерсти и слюнявый язык бурно приветствовали меня, и я засмеялась от радости.

Мэйзи запуталась в зарослях вереска, многочисленные колючки застряли в густом мехе овчарки.

– Держись, Мэйзи, – успокоила я собаку.

Я нырнула в нору глубоко, насколько могла, а потом принялась карманным ножом осторожно разрезать стебли, опутавшие Мэйзи.

– Потерпи немного.

Наконец я высвободила бедняжку, и она сразу ринулась наружу, пытаясь протиснуться у меня между коленями: в итоге мы обе повалились на землю.

– Глупая девочка, как ты нас напугала!

Когда тёплое дыхание Мэйзи коснулось моей щеки, на меня нахлынуло блаженное облегчение. Собака жива и в безопасности.

– Поедем домой, Мэйзи!

Я подвела коня к пеньку, посадила Мерлину на спину овчарку, а затем запрыгнула туда же сама.

Мэйзи была небольшой собакой, да и Мерлина оказалось трудно чем-то смутить, и вскоре мы очень удобно устроились.

– Молодец, Мерлин! – похвалила я старого коня, а моё сердце наполнилось гордостью за верного друга.

Неприступные стены Дайспер Холла теперь были справа, загораживая море, однако до меня явственно доносился плеск волн о скалистый берег и долетал запах соли и водорослей.

Мерлин быстро нёсся вперёд, забирая влево, как будто путь ему преграждали невидимые враги. Я заметила, что он старается держаться как можно дальше от Дайспер Холла.

Нервная дрожь коня передалась и мне: я едва не подпрыгивала от каждой тени и каждого звука. Ветер то и дело набрасывался на нас и яростно трепал гриву Мерлина и мою одежду.

– Ого, Мерлин! – восклицала я, стуча зубами, но стараясь успокоить и подбодрить скакуна.

Внезапно наверху гроыхнуло. В лицо брызнул дождь. Болото озарилось вспышкой слепящего света, и новый удар грома прокатился по небу.

Мерлин громко заржал и попятился. От пронзительного звука вся моя храбрость разлетелась на мелкие кусочки.

– Тише, Мерлин! До дома уже недалеко.

Я изо всех сил вцепилась в поводья.

В который раз мне приходилось возвращать коня на тропу.

– Не надо сворачивать с дороги. Иначе мы потеряемся на болоте, – повторяла я, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее.

И вдруг я различила то, к чему, наверное, Мерлин так чутко прислушивался всё время. Это был звук, который я слышала раньше: он походил на стон разверзающейся земли или глухой обвал в пещере. Он пробирал до самых костей, и я чуть не свалилась со спины коня от испуга.

– Ого, малыш! – вскрикнула я, чтобы прогнать страх.

Мэйзи дрожала и льнула ко мне, спрятав морду у меня под мышкой. Я крепче прижала собаку к груди.

Стон прозвучал снова, переходя в рык, от которого кровь вскипела в жилах и застыла, а затем – в протяжный вой, такой пронзительный, что уши сразу заложило.

Мерлин вздыбился, запрокинув голову. Я потеряла равновесие и, не выпуская Мэйзи, грохнулась на землю. Овчарка вывернулась из моих рук и бросилась прочь по тропинке, ведущей к дому Билла. Конь помчался следом.

Вскоре они исчезли в темноте. Я осталась одна, глотая ртом воздух и ощупывая себя. Убедившись, что вроде бы ничего не сломано, я осторожно встала.

– Как-то не очень здорово получается, Кора, – пробормотала я сердито.

Дождь уже не просто накрапывал, а лился потоком, просачиваясь сквозь свитер. Я знала, что во время грозы лучше не шататься по болотам под открытым небом.

Рядом находились только стены Дайспер Холла. Можно, наверное, укрыться возле них: я ведь снаружи, а не внутри? Собственно, выбора-то у меня и не было.

Я прислонилась к стене и стала ждать, когда закончится гроза.

Глава 4

Вой до небес

Я, должно быть, заснула: меня разбудила песня жаворонка. И хотя одежда ещё была мокрой от дождя, я чувствовала солнечное тепло. Вдруг на колени упал камешек. Я с удивлением подняла его.

Откуда он взялся? Подняв голову, я увидела каменную арку. Тяжёлые металлические ворота под её сводом были наглухо закрыты. Причудливые завитушки на них покрылись ржавчиной и буйной порослью сирени, в которой копошились бабочки. Сквозь решётку я разглядела дубы и заросли терновника, а ещё тропинку, уходящую куда-то вправо. Дрозд-белобровик яростно верещал: «Йак! Йак! Йак!» – и крошечная птичка испуганно упорхнула от его крика в густую зелень.

С противоположной стороны ворот на меня глазел белобрысый неумытый мальчишка примерно моего возраста.

– Привет! – сказал он и расплылся в улыбке, обнажив два ряда кривых зубов. – Я кидал в тебя камешки, чтобы разбудить. Ты храпела.

Что? Ведь Дайспер Холл закрыт для публики много лет. Может, мальчик – член семьи Кавендиш?

Парнишка переминался с ноги на ногу, словно под ним была не земля, а горячие угли. Он напоминал лягушонка с большими бледно-голубыми глазами.

– Я Грифф. Я тут садовником работаю, – сказал он.

Теперь понятно, откуда у него взялись полоски грязи на лице. А я-то уж было подумала, что единственный работник здесь – хмурый мужчина, которого я видела на рынке.

Грифф оказался не старше меня. Странно, что я никогда раньше не сталкивалась с ним в школе.

А он уже не просто переминался с ноги на ногу, а подпрыгивал как мячик.

– Что ты делала ночью в грозу? Как тебя зовут? Ты живёшь рядом?

Вопросы сыпались градом, а у меня все слова застряли в горле. Я попятилась.

Глаза Гриффа сузились.

– Не уходи!

Похоже, он ужасно огорчился, и я шагнула к воротам.

Мне хотелось спросить Гриффа о загадочных существах, обитающих в Дайспер Холле. Но иногда проще общаться без слов.

Думая о странных звуках, которые слышались ночью, я сделала глубокий вдох и завывала в небо:

– А^{у-у-у-у-у-у-у-у!}

Когда запас воздуха иссяк, я взглянула на Гриффа: не будет ли он смеяться надо мной, как обычно делали в школе?

Но он просто молча тарашился, а потом вдруг воскликнул:

– Как здорово!

Вытянув губы трубочкой, мальчишка тоже завыл, запрокинув голову:

– А^{у-у-у-у-у-у-у-у!}

Я прыснула от смеха. Грифф выл почти так же хорошо, как и я.

– Меня зовут Кора, – сказала я, и он кивнул.

– Приятно познакомиться, Кора, – ответил парнишка.

В нём было что-то очень симпатичное. Может, именно потому, что я не ожидала встретить в Дайспер Холле ровесника. Кроме того, все говорили, что надо обходить особняк стороной. Раз Грифф здесь, значит, тут не так и страшно.

Грифф пнул ворота, и они лязгнули.

– Если бы у меня были ключи, я бы впустил тебя и показал зверей.

– Вот было бы круто!

У меня аж мурашки побежали по телу при мысли о том, что я увижу обитателей Дайспер Холла.

Грифф задумался на минутку.

– Но есть один способ... Я недавно проверил, когда леди Кавендиш была у себя в кабинете, а мистер Джонсон, её дворецкий, – в библиотеке. Я знаю одно место, где можно пролезть незаметно. Только пообещай, что будешь вести себя тихо и осторожно.

Сердце запрыгало в горле.

– Обещаю!

Грифф показал налево от ворот, махнув на куцу деревьев.

– Видишь то дерево у стены? Если залезть на него, попадёшь в сад. Спрыгнешь на крышу сарая, можешь маленько удариться, но не очень сильно, всё будет в порядке!

А затем Грифф умчался, не дожидаясь моего ответа.

По спине опять пробежала дрожь, но я усилием воли загасила её: во что бы то ни стало я должна увидеть животных Дайспер Холла!

Изогнутое дерево, о котором говорил Грифф, было легко заметить. Оно торчало из узловатых сплетений напротив серой кирпичной стены, корни взламывали эту преграду как досадное препятствие на пути его могучей воли.

«Сейчас ещё не поздно передумать. Беги домой: вот самое мудрое решение».

– Кора? – услышала я тихий шёпот Гриффа, который снова подбежал к воротам. – Сможешь перелезть?

– Думаю, да.

Вскоре я уже стояла прямо под деревом, которое выглядело пугающе высоким.

Я потуже затянула лямки рюкзака. Залезть на первую ветку оказалось достаточно просто, однако когда я решила забраться повыше, найти прочную опору для ног было нелегко.

– Не смотри вниз, – донёсся до меня голос Гриффа, и я машинально уставилась на землю.

Мир качался подо мной как море.

Собрав в кулак всю свою смелость, я наконец вскарабкалась по веткам до верхнего уровня стены. Отсюда были хорошо видны башни Дайспер Холла, обрамлённые высокими деревьями. Особняк действительно напоминал гнездо ястреба, устроенное посреди пристанища воробьёв. Я же как будто стояла на краю обрыва, занеся ногу над пропастью. Здесь пахло как в глухом лесу, заваленном прелыми листьями.

Сердце вновь подкатило к горлу, когда я перепрыгнула на стену. Примостившись на каменном краю, я уцепилась за него руками и повисла: ноги болтались в воздухе.

– Почти получилось! – произнёс Грифф, стоя у деревянного сарая, на который мне предстояло перебраться, и расплылся в улыбке.

Отсюда, сверху, он казался совсем маленьким, как мышка.

– Что теперь? – спросила я.

– Тебе нужно попасть на крышу сарая. Это безопасно. Я так думаю. Давай, Кора!

Я оттолкнулась и тяжело приземлилась на деревянное покрытие. Перевела дыхание и только тогда осознала, что произошло.

Я – в Дайспер Холле. А о нём все говорят только шёпотом. С малых лет меня предупреждали о странном месте, но негласный запрет лишь усиливал желание заглянуть за неприступные стены.

А теперь и я сама оказалась словно под запретом.

Свесив ноги с крыши, я соскочила на землю и огляделась. Изнутри стены казались не такими угрожающими, поскольку деревья частично заслоняли их. И ещё тут царила тишина: ветер с болот не гулял по территории поместья, накидываясь отовсюду сразу.

– Пойдём, – сказал Грифф и двинулся вперёд.

Я побрела по обочине подъездной дороги, мимо вековых дубов.

И увидела такую картину, от которой перехватило дыхание.

Я смотрела на поле с неровными рядами цветов – тюльпанов, роз, гвоздик, которые выплёскивались повсюду, даже между трещинами дороги. И над всем этим великолепием вились пчёлы и бабочки. Как дико, хаотично и чудесно!

– Я много раз пыталась представить себе Дайспер Холл, – призналась я Гриффу. – Он выглядит таким заброшенным!

– Здесь всё немножко беспорядочно, но леди Кавендиш говорит, что не может найти того, кто бы взялся поддерживать хозяйство Дайспер Холла. Никто не хочет здесь работать – только мистер Джонсон, я и мама, – объяснил Грифф и нырнул в густую тень дуба.

Я бросилась за ним, и мы скрылись из виду обитателей особняка, если они наблюдали за нами.

– С тех пор как мы сюда перебрались, я не встречал никого из сверстников. Приятно поговорить с кем-то, кто не командует мной.

Грифф не был похож на тех, с кем я училась в школе. Как минимум парнишка хорошо ко мне относился. Может, именно потому, что ему отчаянно не хватало компании – он ведь был прикован к Дайспер Холлу. Но этого мало, новый приятель ещё собирался показать мне животных! И теперь я пробиралась за ним сквозь густую высокую траву.

– У тебя будет куча проблем, если узнают, что ты помог мне проникнуть сюда...

Грифф куснул ноготь на большом пальце и пробормотал:

– Нам надо быть очень осторожными.

Значит, да.

Согнувшись пополам, Грифф крался вдоль высокой изгороди, и я последовала его примеру. Внезапно я замерла, увидев нечто необычайное.

– Это что, фонтан?

Посреди тропинки был грязный пруд со статуей крылатой лошади, вставшей на дыбы. Передние копыта, испещрённые полосками зелёных водорослей, взмывали прямо в небо. Никогда прежде мне не доводилось видеть ничего подобного.

Грифф дёрнул меня за рукав, заставляя пригнуться, и вполголоса ответил:

– Да, но он не работает уже много лет. – Мальчик предостерегающе мотнул головой и добавил: – Нам надо быть внимательными. Нельзя, чтобы нас увидели.

Мы крались вдоль стены, огибающей Дайспер Холл.

– Здесь есть фруктовый сад! – воскликнула я, заметив узловатые ветви яблонь и белые цветы грушевых деревьев: точно такие же росли у нас на ферме.

Рядом находился ряд ульев, откуда доносился низкий пчелиный гул.

– Тсс!

Грифф ускорил шаг, и я побежала за ним.

– А дом-то гораздо больше, чем я думала! – заявила я, вытягивая шею, чтобы получше разглядеть высоченную башню.

Это было самое величественное здание, которое я когда-либо видела. Правда, оно оказалось немного неопрятным: как старый аристократ, потерявший очки и потому не следящий за своим обликом.

Как всегда, над ним висели низкие облака. А ещё я обнаружила густые заросли деревьев, настолько высоких, что верхушки были скрыты за этими облаками, а серебристые листья словно растворялись и таяли во мгле.

Деревья росли со стороны утёса, и громада Дайспер Холла заслоняла стволы, поэтому прежде я их никогда не замечала.

– Никогда раньше не видела таких здоровенных деревьев! – воскликнула я, показывая на кроны.

Грифф проследил взглядом, куда я указывала.

– Это свистящие деревья, – сказал он и поёжился. – Не люблю ходить туда один. Все они выглядят одинаково, как будто в глазах двоится. И свистят на ветру. Как привидения.

Свистящие деревья! Ничего себе.

Грифф прижался спиной к стене и дал мне знак сделать то же самое.

– Быстрее, Кора! – скомандовал он через плечо.

Стены Дайспер Холла покрывал засохший плющ. Я провела по кладке рукой: хрупкие листья рассыпались под пальцами вместе с кирпичным крошевом.

Я вытерла ладони о комбинезон.

Оглядываясь по сторонам, я пыталась уловить следы присутствия загадочных здешних питомцев, представляя, что они теснятся за полуразрушенным сараем или снуют в густой траве. Когда разыскиваешь необычных животных, всё вокруг кажется странным, не таким, как всегда. Ветви превращаются в узловатые извивающиеся руки. В скалистых трещинах мерещатся чьи-то морды. И даже ясный свет утреннего солнца мерцает на листьях, как вода на рыбьей чешуе.

Буйная живая изгородь росла как попало: возможно, когда-то это был лабиринт, но теперь все тропинки почти исчезли – и пройти здесь стало невозможно. По-моему, Грифф не очень хорошо справлялся с ролью садовника.

– Вот мы и пришли! – внезапно объявил парнишка.

Мы завернули за угол особняка, и я упёрлась взглядом в великолепную оранжерею, огромную, как наш скотный двор. В стеклянном куполе играли тысячи солнечных зайчиков и разбегались мелкими брызгами в разные стороны. У меня перехватило дыхание от восторга.

– Это наша оранжерея, а внутри есть зверинец, – добавил Грифф, приоткрыв дверь. – Все животные там. Иди за мной!

Глава 5

Оранжерея

Грифф завёл меня внутрь. Стены диковинной конструкции были сделаны из чугуна и стекла, но казалось, что они высечены из льда. Я думала, что буду дрожать от холода, но в просторном помещении было жарко и душно. У входа в больших горшках росли душистые лилии, распространяя вокруг пьянящий аромат, от которого кружилась голова. Рядом красовались вишнёвые деревья. Они простирали чуть ли не до потолка тонкие ветви, отягощённые рубиновыми ягодами. Дорожка, усыпанная гравием и галькой, вела в глубь оранжереи – туда, откуда доносился отдалённый плеск воды. И надо всем этим великолепием висело туманное облако.

– Значит, звери живут здесь? – приглушённо воскликнула я. – Какое удивительное место!

Передо мной был совершенно иной мир, не имеющий ничего общего ни с болотами, которые окружали Дайспер Холл, ни с фермой, где я жила. Тут росли странные деревья с острыми листьями и гладкими блестящими стволами, которые тянулись к бледному утреннему небу за стеклом. Оранжерею переполняло невероятное количество красок: гигантские тёмно-красные цветы (каждый – размером с мою голову), нежно-жёлтые вьющиеся растения, похожие на тюлевые занавески, с листьями, имеющими все оттенки зелёного, какие только можно вообразить.

У меня закружилась голова от этого многообразия.

А запахи! Пожалуй, воздух можно было попробовать на вкус кончиком языка, а потом ощутить медовую сладость и перечную остроту. В животе сразу же заурчало. Ещё бы, самое время позавтракать!

Я вспомнила о родителях, и моё восхищение поплёкло. Надо было оставить им записку. Но теперь слишком поздно. Ох и попадёт мне!

– А где животные? – спросила я, ныряя под низко нависшую ветвь, на которой висел фиолетовый плод.

Грифф перепрыгнул с одного камешка дорожки на другой и повторил:

– Иди за мной!

Деревья вокруг были огромные, как башни, стволы возносились вверх стройными колоннами и упирались в стеклянный потолок. В тёплом воздухе колыхались жёлтые папоротники, а на каждой ветке, стволе или стебле вились виноградные лозы, то взбираясь вверх, то свешиваясь почти до пола.

– Берегись макао, это его территория! – бросил Грифф через плечо.

– Кто такой макао? – крикнула я, инстинктивно вжимая голову в плечи.

И в тот же миг нечто красно-сине-жёлтое прорвалось сквозь виноградную путаницу ближайшего дерева. Яркая птица промчалась над моей макушкой и исчезла в пышной кроне. Я выпрямилась и посмотрела туда, где скрылось роскошное создание.

– Ну и птица!

Разумеется, я знала, что за пределами нашего крошечного городка есть целый огромный мир, но увидеть его своими глазами – это совсем другое... Всё в оранжерее было невероятно, как сон.

– Иди осторожнее, – предупредил Грифф, перешагивая через коричневый булыжник. – А то наступишь на тестудину.

– Кто такая тесту... – начала я, но вдруг булыжник зашевелился, пополз и преградил мне дорогу, а потом из него высунулась серая голова и сердито сверкнула глазами в мою сторону.

– Оно живое! – закричала я. – Этот камень живой!

Я опустилась на четвереньки и стала наблюдать, как существо на коротких четырёх лапках не спеша проследовало мимо меня и уползло в заросли папоротника.

– Они здесь повсюду, – усмехнулся Грифф.

Похоже, он с упоением исполнял роль проводника.

Ещё один поворот тропинки – и мы приблизились к вольеру из металла и стекла. Любопытство вспыхнуло в груди жарким пламенем.

– А там кто?

– Лунные птицы, – объяснил парнишка и кивнул на вольер. – Взгляни!

Я подалась вперёд. Внутри серебристым облаком реяла стая небольших птичек, их крылья были словно сотканы из лунного света. Они порхали за стеклом, время от времени царапая его острыми коготками. Крошечные глазки сверкали, как алмазы.

Пол вольера был усыпан сухими ветками, припорошёнными помётом, и белыми перьями. Пташки то открывали, то закрывали клювы, но я не услышала ни писка, ни чирикания.

– Они не издают никаких звуков, – озадаченно заметила я.

– Вольер их не пропускает, – возразил Грифф. – У тебя кровь из ушей польёт, если ты услышишь их голоса.

Он постучал пальцем по стеклу.

– Надо надеть беруши, если хочешь войти внутрь. Лучше этих птах не выпускать.

Я шагнула ещё ближе и приложила ладони к стеклу. Оно было прохладным и слегка вибрировало от дюжин голосов, рвущихся изнутри. Теперь я почти различала их, ужасно сожалея, что нельзя попасть в вольер: даже глаза защипало от слёз.

– Лунные птицы просто прекрасны, – вздохнула я.

Много-много часов я провела на болотах, наблюдая за разными животными (от матёрых оленей до мелких полевых мышек), но никогда не видела никого похожего на восхитительных лунных птиц.

Мы двинулись дальше по дорожке, оставив пташек позади. Купол оранжереи перешёл в остроконечную крышу, а чугунные рамы, обрамляющие оконные стёкла, превратились в искусно сделанные цветы и виноградные лозы. Едва я вытянула шею, восхищённо разглядывая их, как в воздух вспорхнула стайка бабочек. Некоторые были размером чуть ли не с птицу, а другие примерно с мой большой палец. Крылышки отливали серебром, золотом или всеми красками заката – от алого до фиолетового.

Снова стало жарко и душно. Я вытерла рукавом пот со лба, и вдруг на мою ладонь спикировала бабочка с коричневыми крыльями. Я замерла, стараясь не дышать.

Бабочка медленно развернула крылышки, и я заметила два больших глаза, расположенных на чешуйках и строго смотрящих на меня. Потом крылья дрогнули, и глаза внезапно стали печальными. У меня ком в горле застрял. Этот грустный взгляд оказался почти невозможно вынести.

Наконец бабочка вспорхнула и улетела, а я очнулась от забытья.

– Да, они могут растрогать, – пояснил Грифф.

Я обратила внимание на то, что изящная голубая бабочка села на глянцевитый зелёный стебель какого-то растения со странными красными лепестками и ворсинками, торчащими во все стороны. Мне захотелось сосчитать чёрные точки на крылышках насекомого, и я нагнулась, но хищные лепестки резко закрылись, поймав бедняжку в коварную ловушку.

– Нет! – воскликнула я и невольно отпрянула, чтобы цветок не вздумал схватить и меня.

В происходящее было почти невозможно поверить. Хищные растения! Бабочки, повергающие в печаль! Лунные птицы! Что ещё я увижу в оранжерее?

Тем временем Грифф остановился.

– Взгляни сюда!

Я метнулась к парнишке.

Здесь имелся очередной вольер, совсем невысокий: стенка едва доходила до пояса. Я перегнулась через неё, напряжённо всматриваясь. Пол был усыпан песком вперемешку с землёй, холмики даже поросли густой бурой травой. Но сколько я ни смотрела, никаких признаков живых существ мне не удалось обнаружить: только вход в чью-то нору.

– Кто здесь?

– Панголин! – ответил Грифф. – Так зовёт его леди Кавендиш. Я его никогда не видел. Думаю, он выходит только ночью. Готов поспорить, что клыки у него острые как бритва, – добавил мальчик, отступая на шаг и поёживаясь.

– Панголин?

Как мало я знаю о созданиях, которые населяют наш мир! В Дайспер Холле было много такого, чего я никогда раньше не видела, о чём никогда не слышала.

На новом изгибе дорожки оказался ещё один вольер, скрытый высокими деревьями, похожими на пальмы. Точнее, это была клетка с толстыми прутьями: очевидно, для надёжной защиты от того, кто находился внутри.

И я увидела его.

Зверь в клетке смахивал на кота, который не знал, как перестать расти. Вся его шерсть, от усов до плоского дёргающегося хвоста, мерцала и переливалась синими полосками. На огромных лапах имелись перепонки, и ступал он как-то странно, словно ему было непривычно передвигаться по суше.

Но больше всего меня притягивали глаза создания, яркие, как изумруды. Они влекли к себе с неодолимой силой.

Существо было захватывающе, ошеломляюще прекрасно.

– Не приближайся, – предупредил Грифф. – Это морской тигр. Леди Кавендиш говорила, что раньше он жил в океане и охотился на рыб и морских черепах.

Я понимала, что передо мной громадный хищник, но, глядя на его склонённую голову, не чувствовала в сердце ни капельки страха. Наверное, боевой дух морского тигра давно сломлен. И клетка у него была грязная и унылая, в ней пахло сыростью и гнилью. А прекрасная шерсть с переливами полуночных красок вся свалаялась и потускнела.

Зверь открыл пасть и заворчал. Громкое ворчание совсем не напоминало раскатистый рёв, который я слышала прежде, – и ему было далеко до того воя, который мог распугать овец Билла и устрашал фермеров. Наверное, те звуки издавало другое животное.

При взгляде на морского тигра у меня защемило в груди. Я вдруг ужасно разозлилась на леди Кавендиш. Почему она держит животных в маленьких и грязных вольерах? Они явно страдают. Неудивительно, что ей понадобился человек для ухода за питомцами!

Я попыталась повторить ворчание тигра, сначала возвысив голос, а затем смягчив его почти до мурлыканья.

– P-P-PA-A-UP-P -P-p-p!

Получилось не очень похоже, но, по крайней мере, я намекнула морскому тигру, что хочу выучить его язык. И понять беднягу. Ведь на самом деле каждому живому существу только это и нужно – чтобы его поняли. Зверь повёл ухом, пристально посмотрел на меня и шагнул в мутный водоём посреди клетки. Крупное тело скрылось под слоем ряски, а над поверхностью прудика остались только глаза.

– Почему клетка не вычищена? – спросила я Гриффа, с жалостью глядя на запертого морского тигра. – Он же слоняется туда-сюда, ему здесь совершенно нечего делать!

Грифф вытер нос рукавом.

– Леди Кавендиш вечно занята. Она читает и рисует в своём кабинете.

Я впиалась взглядом в прутья клетки.

– Прудик нужно наполнить чистой водой. И посадить несколько деревьев, чтобы они давали тень. У наших коров на выгоне есть место, где они могут отдохнуть в самые жаркие дни.

А у морского тигра запросто будет тепловой удар! – И я вздохнула с досадой. – Кто ухаживает за животными, когда леди Кавендиш занята?

Но Грифф ничего не ответил. Глаза парнишки беспокойно забегали, как будто он к чему-то прислушивался.

– Надо поторопиться. Мистер Джонсон скоро выйдет из библиотеки.

Мы поднялись по деревянному мостику, перекинутому через большой пруд, на поверхности которого плавали водяные лилии. Перегнувшись через поручни, я увидела в спокойной воде своё отражение, такое же чёткое, как в зеркале.

В пруду мелькали крошечные рыбки, вспыхивая то серебром, то золотом. Вдруг тёмная тень метнулась из глубины, и одна из рыбёшек исчезла. По водной глади пробежала лёгкая рябь, а рыбина размером с домашнюю кошку скрылась в зарослях лилий.

– Ты видел? – крикнула я Гриффу. – Огромная рыба ест малявок!

Мальчик поглядел в пруд.

– Мистер Джонсон однажды пригрозил, что бросит меня к этому окуню, если я буду медленно стричь газон.

– Кажется, мистер Джонсон не очень-то добрый человек.

Грифф потянул меня за рукав, торопя дальше по мосту.

– Давай просто постараемся, чтобы дворецкий никогда не узнал, что ты была здесь, – сказал он.

Но я не собиралась уходить! Теперь, когда я увидела зверей, которые обитают в Дайспер Холле, мне захотелось ухаживать за ними. Разве я могла вернуться на ферму, если знала, что работа смотрителя как раз для меня? Ещё никогда в жизни я не была настолько уверена в чём-то, как в этом сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.